

А.Д. Логвиненко

ПСИХОЛОГИЯ ВОСПРИЯТИЯ¹

Введение

Термины «ощущение» и «восприятие» имеют по меньшей мере двойной смысл. С одной стороны, они используются для обозначения философских категорий (содержание которых раскрывается, например, в соответствующих статьях Философской энциклопедии). С другой стороны, они являются важнейшими психологическими понятиями. Раскрыть смысл, который обрели эти понятия в современной психологии, — одна из главных задач того раздела общей психологии, который по традиции именуется «Психология восприятия».

Для философов ощущения и восприятия выступают как элементарные, первичные ступени индивидуального познания. Причем и ощущение, и восприятие понимаются ими и как психические процессы, и как конечные результаты этих процессов, т.е. как определенная форма психического отражения внешнего мира.

Психологи ощущениями и восприятиями называют вполне определенные виды образов. Ввиду многообразия образных явлений в индивидуальном сознании человека мы начнем с их краткой классификации.

§ 1. Многообразие образных явлений

Познакомить человека с тем или иным образным явлением можно, вообще говоря, только одним способом, а именно, «предъявив» его (т.е. создав условия, необходимые для возникновения этого образа). Разумеется, автор лишен возможности по-настоящему познакомить читателя с

¹ Логвиненко А.Д. Психология восприятия. М.: 1987. С. 3–11, 14–16.

различными образными явлениями сознания. Тем не менее необходимо хотя бы назвать некоторые из них.

Если Вы находитесь в бодром состоянии, у Вас хорошее самочувствие и Вы пребываете в окружении обычных предметов, то нормальное функционирование Ваших органов чувств обеспечивает наличие в Вашем сознании образов восприятия. Осознанный образ восприятия -это та психическая реальность, которую мы без труда находим в своем сознании с помощью самонаблюдения. Одной из важнейших характеристик образа восприятия является его *предметность*.

Предметность образа восприятия означает его:

1) *реальность* — человек верит² в существование того предмета, который дан ему в образе, т.е. он убежден в объективном существовании этого предмета. Если образ сохраняет реальность в отсутствие предмета (противостоящего субъекту в акте восприятия), то он называется галлюцинацией. Галлюцинаторные образы, лишенные реальности (т.е. образы, также возникающие в отсутствии предмета, но субъективность которых осознается) называются псевдогаллюцинациями;

2) *объективированность* — человек переживает образ как вынесенный вовне. Так, например, у хирурга, ощупывающего зондом пулю в ране, его тактильные ощущения локализованы не на кончиках его пальцев (т.е. не на границе, разделяющей поверхности кожи и зонда), а на границе зонда и пули, т.е. на поверхности ощупываемого предмета. При неадекватном стимулировании того или иного органа чувств (например, при приложении механического усилия к глазу или уху) могут возникнуть образы, лишенные объективированности. В этих случаях мы говорим «в ухе звенит», «из глаз посылались искры» и т.п.;

3) *означенность*. Образы восприятия, лишенные значения, встречаются в клинике при локальных поражениях коры головного мозга у больных о симптомами предметной агнозии. Такие больные могут весьма детально и точно описать предмет, на который они смотрят, но не способны его опознать;

4) *константность* — относительное постоянство образа предмета при изменении условий его восприятия. Так, например, цвет предмета не изменяется при изменении освещения; его величина воспринимается приблизительно одной и той же независимо от того, на каком расстоянии от наблюдателя находится этот предмет; видимая форма предмета не зависит от ракурса и т.п.;

5) *полиmodalность* — органическое единство данных, получаемых от органов чувств, различной modalности (зрения, олуха, осязания, вкуса, обоняния и т.п.).

² Как верили на заре кинематографа в реальность надвигавшегося с экрана паровоза первые зрители, покидавшие в панике кинозал.

Вообще говоря, перечисленные выше свойства не исчерпывают предметность образа, которая является лишь выражением в нашем сознании предметности воспринимаемого мира. Мы живем в предметном мире, который отличается от мира, описание которого мы находим в учебниках физики³. Предметность — это такой способ членения реальности, который адекватен формам человеческой деятельности. Развиваемый в советской психологии деятельностный подход к восприятию начинается там и постольку, где и поскольку за отправной пункт научного анализа берется предметность воспринимаемого мира, противостоящего субъекту в акте восприятия, а конечной целью этого анализа полагается предметность образа.

Понять различия между предметным и физическим мирами мешает непосредственно данное в сознании тождество предмета и его образа. Точка зрения наивного наблюдателя, не различающего предмет и его образ, известна в философии как *позиция наивного реализма*. Преодоление позиции наивного реализма (а без этого трудно надеяться на успех при изучении восприятия) начинается с вопроса Курта Коффки:

«Почему мы воспринимаем предметы такими, какими мы их воспринимаем?»

Если различие между предметным и физическим мирами все еще ускользает от Вас, обратите внимание на различие между воспринимаемым и знаемым мирами. Так, с одной стороны, в знаемом мире есть явления, которые не могут быть восприняты без специальных приборов (например, микробы и прочие микроорганизмы)⁴. Некоторые из этих явлений нельзя себе даже представить (например, электромагнитное поле). С другой стороны, громадное множество явлений (таких, как улыбка, сексуальная привлекательность, агрессивность и т.п.) легко и отчетливо воспринимаются нами, но еще не созданы приборы, способные реагировать на эти явления и события воспринимаемого мира.

Кроме того, один и тот же объект может по-разному быть представлен в воспринимаемом и знаемом мирах. В этом убеждают иллюзии или, как их называли психологи прошлого, обманы органов чувств, которые представляют собой рассогласование между данными непосредственного наблюдения и результатами, опосредствованными физическими приборами или методами.

Предметные образы восприятия имеют *чувственную основу*. Мысленные образы, к числу которых мы относим образы памяти, представления и воображения, чувственной основы лишены, хотя и не лишены мо-

³ Известно, что физический мир также можно описывать по-разному. Существует, например, такое описание, в котором мир представлен в виде пустого искривленного пространства с очень сложной геометрией.

⁴ Есть люди, которые даже не подозревают о существовании этих объектов, т.е. они не входят в их знаемый мир.

дальности⁵. Мир образных явлений человека далеко не исчерпывается перечисленными выше образами. Пополним наш список некоторыми примерами образов, возникающих в особых условиях или у особых людей.

После образ — образ предмета, сохраняющийся после его исчезновения в течение нескольких секунд и претерпевающий по мере угасания значительные качественные изменения.

Фантомный образ — образ части собственного тела (например, конечности), отчетливо переживающийся несмотря на ее утрату (обычно вследствие ампутации).

§ 2. Двойственность предметного образа и ее отражение в двойственных понятиях на разных исторических этапах психологической науки

В любом руководстве по психологии восприятия можно найти изображение так называемого куба Неккера. Замечательная особенность этого изображения состоит в том, что оно может восприниматься как трехмерный куб двояким образом. Иными словами, это изображение порождает два различных образа, причем наблюдатель может произвольно переходить от одного образа к другому. Несмотря на имеющиеся у этих образов явные различия, у них имеется и нечто общее, а именно, их чувственная основа. Если воспользоваться терминологией созерцательно-сенсуалистической психологии, то можно сказать, что у этих образов один и тот же состав ощущений. Иначе говоря, одни и те же ощущения организованы в разные восприятия.

Пример с кубом Неккера показывает, что в образе восприятия можно выделить как бы два плана — чувственный и предметный. В разное время многие психологи, принадлежавшие к совершенно разным эпохам и школам, фиксировали эту двуплановость, двойственность образа восприятия в понятиях.

Так, например, крупнейший представитель созерцательно-сенсуалистической психологии Э.Титченер выделял в образе его чувственную основу (*sensory core*) и воспринимаемый смысл (*perceptual context*). Один из основоположников физиологии органов чувств Г. фон Гельмгольц различал *первичные образы* и *образы восприятия*. По Гельмгольцу, первичный образ не содержит ничего, кроме непосредственных чувственных данных. Он предложил следующий критерий для определения того, что в образе восприятия следует относить к первичному образу: все то в чувственном восприятии, что можно изменить или обратить в свою противополож-

⁵ Так, например, мы легко различаем слуховые и зрительные образы памяти.

ность с помощью опыта, установки, упражнения и т.п., не является первичным образом.

Американский психолог Дж.Гибсон отмечал, что в зависимости от установки наблюдателя возможны два способа восприятия. Один из них приводит к обычному восприятию, о котором все мы хорошо знакомы. Гибсон назвал его восприятием *видимого мира*. Второй способ возможен лишь при особой установке на «картинный» способ видения и он доступен лишь тем людям, которые владеют навыками самонаблюдения. Этот способ восприятия Гибсон называл восприятием *видимого поля*.

Гибсон предлагал заменить старее деление на ощущения и восприятия новым — на видимое поле и видимый мир.

Советский психолог А.Н.Леонтьев, анализируя психологическую структуру сознания, выделял три его образующие: чувственную ткань, значения и личностные смыслы. По Леонтьеву, в образе восприятия следует выделять его *чувственную ткань* и *предметное содержание*.

Итак, двухплановость предметных образов признавали многие выдающиеся психологи. Хотя, следует заметить, что использовали они при этом различные понятийные пары. Так, к примеру, чувственная ткань и предметное содержание — это не просто замена более современными понятиями устаревших ощущений и восприятия. Чтобы показать это, рассмотрим, как понимали ощущения и восприятия представители старой психологии ощущений.

§ 3. Ощущения и восприятия в созерцательно-сенсуалистической психологии

«Цель психолога троякая, — утверждал Э.Титченер, — он стремится: 1) анализировать конкретное, данное душевное состояние, разложив его на простейшие составные части; 2) найти, каким образом соединены эти составные части, какие законы управляют их комбинацией и 3) привести эти законы в связь с физиологической (телесной) организацией» (Э.Титченер, с. 10).

Мы видим, что задача психологической науки формулировалась Титченером точно так же, как это делалось в то время в естественных науках, например, в химии. В самом деле, аналогично тому, как химик, рассматривая любое вещество как сложное химическое соединение элементов, видит свою задачу в установлении перечня, списка этих элементов и законов их соединения, так и психолог должен, по Титченеру, прежде всего выявить элементы сознания — ощущения, а затем изучить законы, по которым из этих элементов складываются явления сознания.

Методом анализа явлений сознания служила особая процедура самонаблюдения — так называемая аналитическая интроспекция. Этому методу нужно учиться. Видимое поле Гибсона — промежуточный продукт аналитической интроспекции всей зрительной картины. Аналитической интроспекции легче подвергнуть рисунок, труднее — реальную сцену.

Анализ методом аналитической интроспекции следует вести до тех пор, пока он еще возможен. Конечный продукт такого анализа — элементы. Эти элементы и назывались *ощущениями*. По Титченеру, однако, это еще не полное определение ощущения — необходима «связь с физиологической организацией». Наличие строго закономерной связи между ощущениями и природой соответствующего органа чувств, его аналитическим строением и физиологическими особенностями его функционирования было зафиксировано в созерцательно-сенсуалистической психологии в виде принципа *специфических энергий органов чувств*, сформулированного И. Мюллером, и гипотезы *постоянства* связи между стимулом и ощущением. Принцип Мюллера и гипотеза постоянства представляют собой теоретические постулаты, появившиеся в результате обобщения некоторых хорошо известных эмпирических фактов. К числу таких фактов следует отнести, во-первых, то, что один и тот же стимул при повторном приложении его к одному и тому же органу чувств всегда вызывает одно и то же ощущение. Во-вторых, тот же самый стимул (например, механическое давление) будет вызывать ощущения различного качества, если его прикладывать к различным органам чувств. И наконец, в-третьих, различные стимулы (например, свет, электрический ток и механическое давление), если они воздействуют на один и тот же орган чувств (например, глаз), будут вызывать ощущения одного и в того же качества (в данном случае зрительные ощущения).

Гипотеза постоянства утверждает, что постоянная связь между стимулом и ощущением, которая бесспорно имеет место, когда предъявляется, один стимул, сохраняется и в том случае, когда этот стимул предъявляется в окружении других стимулов. Справедливость этого естественного, на первый взгляд, обобщения первого из перечисленных выше фактов далеко не очевидна. Впервые гипотезу постоянства подвергли резкой критике гештальт-психологи.

Принцип И. Мюллера состоял в том, что качество ощущений определяется не качеством стимула, а качеством чувствительного нерва, вернее, присущей ему специфической энергией. Критика субъективно-идеалистических философских выводов, которые следуют из этого принципа, неоднократно давалась советскими психологами⁶.

Итак, «... ощущениями мы называем те элементарные сознательные процессы, которые соединены с телесными процессами в определен-

⁶ См.: Леонтьев А.Н. Избр. психол. произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С. 7-10.

ных телесных органах» (Э. Титченар, с. 22). Ощущения, как далее неразложимые элементы сознания, описывались о помощью своих атрибутов. Таковыми являлись: *качество, интенсивность, протяженность и длительность*. Различие ощущений по модальности — это различие по качеству. Однако и ощущения одной модальности могут отличаться по качеству, например, зрительные ощущения отличаются по *цвету*, слуховые — по тону. Интенсивностью зрительных ощущений является светлота, слуховых — *громкость*.

Не следует думать, что в созерцательно-сенсуалистической психологии постулировалась неразрывная связь ощущений с аналитической интроспекцией, что они являются ее продуктом. Аналитическая интроспекция есть лишь одна из возможных эмпирических процедур, с помощью которой можно «добраться» до ощущений. Получаемые в результате этой процедуры ощущения как *элементы образа* являются лишь одной из возможных эмпирических ипостасей теоретического понятия «ощущение», определение которого было дано выше.

Заметьте, что если ощущение отождествить с элементом образа, получаемого в результате акта аналитической интроспекции, то придется признать, что ощущение не более, чем абстракция, не имеющая самостоятельного бытия. «Отдельное ощущение, — писал Титченер, — рассматриваемое независимо от других ощущений, есть продукт научного анализа, есть отвлечение, абстракция от действительной душевной жизни...» (Э.Титченер, с. 118). И далее там же Титченер пояснял, зачем психологи стремятся «добраться» до отдельных ощущений:

«Нам, психологам, важно было знать, как действовали бы органы чувств, если бы им пришлось действовать отдельно». Но узнать, как будут действовать отдельные органы чувств или даже отдельные составляющие их рецепторы можно более простым образом — с помощью элементарных стимулов.

Понятие стимула в психологии не определено и неопределенно. Оно привнесено в эту науку из физиологии, где под стимулом понимается адекватный раздражитель чувствительного нервного окончания. Например, для фоторецептора стимулом является свет, для волосковых клеток — звук. В психологии понятие стимула укоренилось благодаря бихевиористам, обманчивая простота подхода которых поначалу подкупила многих. Бихевиористы, видевшие задачу психологии в объективном изучении поведения, называли стимулом любой физический объект или событие, которые вызывают реакцию, т.е. некоторое изменение поведения. Предполагалось, что любая реакция (т.е. внешне наблюдаемый поведенческий акт) имеет свой стимул (т.е. побуждается воздействием на организм определенного физического агента). Цель научного изучения поведения заключалась для бихевиористов в том, чтобы вскрыть закономерности, связывающие стимулы и реакции.

Чистый, ортодоксальный бихевиоризм остался в прошлом. Однако формула «стимул-реакция» и определяемая ею методология существуют в психологии и поныне. Перенос этой формулы в психологию восприятия стал возможен лишь после того, как под реакцией стали понимать не только поведенческие, но и психические акты. С тех пор основной проблемой психологии восприятия стала проблема стимула, заключающаяся в том, чтобы для любого зрительного впечатления отыскать его стимул, т.е. тот физический агент, который закономерно и неизбежно вызывает появление этого впечатления. Эта проблема не так проста, как может показаться на первый взгляд.

Дело в том, что в зрении, например, принято различать *дистальные* и *проксимальные стимулы*. Под дистальным стимулом понимается целостный физический объект, который, однако, не дан глазу непосредственно, и поэтому его, строго говоря, нельзя считать стимулом. Глазу доступен лишь световой поток, отраженный от дистального стимула, и понятно, что собственно стимулом могут быть только какие-то параметры или структуры этого потока, которые и называются проксимальным стимулом. Но для любого ли зрительного образа можно найти проксимальный стимул? Существует ли проксимальный стимул, например, для такого зрительного впечатления как гнев на лице человека?

Гораздо проще обстоит дело в случае простейших зрительных впечатлений, т.е. ощущений. Нетрудно найти те параметры проксимального стимула, которые соответствуют параметрам ощущений. Так, например, стимулом для интенсивности зрительного ощущения является интенсивность света, стимулом для цвета — спектральный состав света и т.д. Поэтому можно сконструировать такой стимул, который будет порождать в нашем сознании образ, обладающий только интенсивностью, качеством, протяженностью и длительностью (например, однородное во времени и пространстве световое пятно). Иными словами, образ такого стимула будет настолько элементарен, что его можно считать воплощением чистого ощущения. Такой стимул разумно считать элементарным. Так мы приходим к ощущениям в их второй ипостаси, иначе говоря, к ощущениям как *элементарным образам*, т.е. образам элементарных стимулов.

Но тогда возникает следующая проблема: можно ли отождествлять ощущения как элементы образа с ощущениями как элементарными образами. Гипотеза постоянства — это тот ответ, который давала на этот вопрос созерцательно-сенсуалистическая психология. И ответ этот, как легко видеть, является утвердительным.

Одну из своих главных задач созерцательно-сенсуалистическая психология видела в том, чтобы установить закономерную связь между элементарными стимулами и ощущениями. Впервые эту задачу поставил Г.-Т.Фехнер в рамках более грандиозной своей программы — установления строго научной связи между душой и телом. Однако даже эта задача

оказалась ему не по силам, и он ограничил ее установлением зависимости между одним из параметров ощущения, а именно его интенсивностью, с аналогичным параметром элементарного стимула. Фехнер называл зависимость между интенсивностью ощущения и интенсивностью стимула *психофизической функцией*, а раздел психологии, посвященный измерению интенсивности ощущений и изучению психофизических функций — *психофизикой*.

Собственно процесс восприятия мыслился представителями созерцательно-сенсуалистической психологии следующим образом. Стимул воздействует на рецепирующую поверхность органа чувств, вследствие чего (в соответствии с гипотезой постоянства возникает некоторая структура ощущений, к которым (по закону ассоциации) добавляются образы памяти.

Несовершенство такого понимания процесса порождения предметного образа состояло в том, что, во-первых, неверной оказалась гипотеза постоянства; во-вторых, оставалось непонятным, откуда берутся образы памяти; в-третьих, со временем в психологии накопилось много фактов, которые нельзя было объяснить о помощью закона ассоциации. <...>

§ 6. Строение чувственных образов в свете учения о деятельности А.Н.Леонтьева

Примечательной особенностью психологии как научной дисциплины является зависимость определения ее предмета от философско-методологической позиции исследователя. Эта зависимость в каждом конкретном случае преломляется через то или иное понимание сущности человека. Марксистское понимание сущности человека кратко сформулировано в известных тезисах о Фейербахе, где в качестве действительности человеческой сущности указана совокупность всех производственных отношений. Это означает, что логику поведения отдельно взятого человеческого индивида нельзя понять вне контекста тех социальных отношений, в которые он включен. Поэтому в психологии, помимо понятия поведения, появляется понятие деятельности. Деятельность — это «одухотворенное» поведение.

Деятельностный подход к психике человека развивался в трудах А.Н.Леонтьева, который подчеркивал, что деятельность является субстанцией психики человека, т.е. содержанием психики человека является интериоризированное предметное содержание деятельности. Интериоризация, следовательно, является особой формой «социализации» психики индивида в процессе его становления как представителя рода человеческого. При этом предполагается, что человеку от рождения присущи «естественные», «натуральные» формы психики (общие у него с высшими

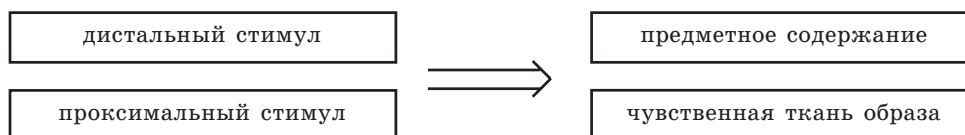

Рис. 1. Двойственность восприятия

животными), которые впоследствии «соци-апиизируются» и приобретают предметную форму. Л.С.Выготский в своем учении о «высших психических функциях» прозорливо подметил двойственность не только восприятия, но и всех остальных психических функций человека. Двойственность восприятия человека, наличие у него двух планов обнаруживает себя в самонаблюдении в виде двуплановости чувственных образов, о которой речь шла выше.

Двойственности чувственных образов соответствует двойственность стимулов, которые распадаются на дистальные и проксимальные. В результате традиционная двучленная парадигма «стимул-образ» удваивается и приобретает следующий вид:

Связи между различными элементами этой схемы по своей природе весьма разнородны. Так, связь между проксимальным стимулом и дистальным — физическая. Она подчиняется законам оптики и геометрии.

Связь между проксимальным стимулом и чувственной тканью образа — психофизическая, т.е. жесткая, однозначная, подчиняющаяся строгим законам, которые допускают, подобно физическим законам, количественное выражение. Между предметным содержанием и чувственной тканью образа нет такой жесткой связи. Эта связь подвижна и неоднозначна. Примером такой связи может служить связь между звуковым составом слога и его значением.

Фундаментальный факт, непосредственно открывающийся в самонаблюдении, состоит в том, что предметное содержание образа скорее соответствует дистальному стимулу, нежели проксимальному, хотя органы чувств имеют дело с проксимальным, а не дистальным стимулом. Это ставит перед исследователями определенную проблему. В созерцательно-сенсуалистической психологии эта проблема формулировалась как проблема *константности восприятия*. Феномен константности восприятия состоит в том, что предметное содержание образа тождественно по своему содержанию предмету, противостоящему субъекту в акте восприятия. Важнейшие аспекты проблемы константности, как она ставилась в созерцательно-сенсуалистической психологии, заключаются в том, что, во-первых, при переходе от дистального стимула к проксимальному часть информации о дистальном стимуле теряется, однако, в предметном образе

эта информация вновь восстанавливается⁷; а во-вторых, при изменении условий восприятия проксимальный стимул меняется, а дистальный нет, тем не менее предметное содержание образа остается относительно постоянным.

Предмет психологического исследования могут составлять:

1) психофизическая связь между проксимальным стимулом и чувственной тканью образа (психофизика чувственной ткани);

2) связь предметного содержания с чувственной тканью образа (психология предметного образа)⁸. Психофизика чувственной ткани и психология предметного образа представляют собой две различные дисциплины, в каждой из которых используются свои методы, поскольку связь между дистальным стимулом и чувственной тканью образа принципиально отличается от связи между чувственной тканью и предметным содержанием образа.

⁷ Достаточно отметить, например, что несмотря на то, что проксимальный стимул двухмерен, предметный образ так же, как и дистальный стимул, трехмерен.

⁸ Физическую связь между дистальным и проксимальным стимулами, несмотря на всю ее важность для правильного понимания процессов восприятия, нельзя считать объектом психологического исследования.